С. В. ПОЛЯКОВА

ФОЛЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ О СЧАСТЛИВОМ ГЛУПЦЕ В НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ АГИОГРАФИИ VIII в.

Трудно себе представить, что в основе жития Филарета Милостивого, одного из самых «положительных» и трезво-бытовых, какие встречаются в Византии, лежит сказка: мимикрические способности фольклора мешают заметить ее на вполне вероподобном фоне рассказа.

Филарет, человек некогда весьма богатый, повествует агиограф, вследствие вражеских набегов и главным образом своей щедрой благотворительности постепенно все более и более разоряется, пока не доходит почти до нищенского состояния. Но тут в его жизни случается неожиданная перемена — гонцы, разосланные императрицей Ириной с поручением отобрать самых красивых девушек (таким образом она хотела найти невесту для своего сына Константина VI), попав в пафлагонскую деревню Амнию, где жил Филарет, останавливают свой выбор на его внуке Марии; этот выбор санкционирован во дворце, и Филарет отныне вступает в свойство с царским домом, получает большие богатства, а после смерти удостаивается райского блаженства.

Если, однако, вчитаться в житие, обнаружится, что не все так гладко. как это может показаться по краткому пересказу: вместо привычного агиографического героя здесь выступает фигура, близкая к фольклорному образу счастливого глупца, а его биография соответственно укладывается в рамки распространенного сюжетного трафарета, согласно которому глупец-счастливец, несмотря на свою глупость, становится богачом и женится на царевне, хотя речь и идет о событиях, реально имевших место, поскольку описанные поиски невесты для императора и то, что выбрана была некая Мария из Амнии, — засвидетельствованные источниками факты, а сам Филарет — возможно, историческая личность 1. В обеих существующих редакциях легенды 2 Филарет ведет себя подобно глупцу из сказки, обнаруживает, вопреки тому, что житие его именуется «боголюбезным и безукоризненным» (64, 4), не свойственные святому слабости и не раз оказывается в смешном положении. Все это, как мы попытаемся показать, сопоставив житие с комической сказкой и некоторыми другими жанрами устного народного творчества, - следствие воздействия шутливого фольклора.

Привлекая в качестве параллелей фольклорный материал более древний и более новый по отношению ко времени создания обеих редакций жития, мы отдаем предпочтение русской сказке. Все привлеченные рус-

 ¹ А. А. Васильев. Житие Филарета Милостивого. — ИРАИК, V, 1900, стр. 49 сл.;
 М. Н. Fourmy et M. Leroy. La vie de S. Philarète. — Вуz., IX, 1934, fasc. 1, p. 101 sq.
 ² Анонимное житие издано А. А. Васильевым, второе, принадлежащее перу Никиты из Амнии, называющего себя внуком Филарета, — Фурми и Лероем. В дальнейшем ссылки на житие даются по публикации А. А. Васильева.

ские примеры имеют варианты в международном фольклоре, что отражено в специальных указателях.

Начнем с установления характерологического тождества милостивца, как он выступает в житии, с типом фольклорного глуппа. Характерной особенностью поведения последнего является буквальное следование чужим указаниям, что неизменно приводит к нелепой ситуации. Так, совет матери потереться среди людей дурак понимает буквально и мешает всем своими комичными действиями 3. Другой глупец полученному наставлению трижды подумать, прежде чем что-нибудь сказать, следует и тогда, когда видит, что на его мастере загорелась одежда 4. Третий обязанность мужа делить с женой радость и горе осуществляет весьма своеобразно — бьет ее, рассудив, что это ему радость, а ей горе 5. Рекомендацию наказывать жену только побрым словом дурак приводит в исполнение, обрушивая на нее удары Евангелием, а глупые ученики, наученные хлопать в ладоши и говорить, если кто-нибудь чихнул, «Спаси тебя господь», применяют эту науку так: когда учитель с их помощью пытается канатом тащить утопленника и вдруг чихает, они хлопают в ладоши, желают учителю господнего благословения, и канат, разумеется, выскальзывает v них из рук 6.

Приводимые ниже поступки Филарета ничем не отличаются от действий его собратьев из фольклора. По своему духу и кумулятивному построению следующий пассаж жития так близок к шутливому фольклору, что кажется перенесенным из какой-нибуль сказки о глуппе: «В это время начался голод, и праведник, не в состоянии прокормить детей и жену, взял осла и пошел далеко к своему другу, и занял у него шесть модиев зерна, и, взвалив их на осла, пришел домой, а жена его и дети исполнились радости. Когда он сел отдохнуть с дороги, пришел нищий и попросил пригоршню зерна. Милостивец сказал жене — она вместе со служанкой веяла зерно: «Жена, этому моему брату дай один модий, по модию отдели детям, модий моей жене и модий служанке, а что осталось — тому, кто попросит». Снова он говорит жене: «А мне ты ничего не уделила?» Она сказала: «Ты ведь ангел, а не человек, и брашна тебе не надобно. А было б надо, от полученного взаймы зерна, которое ты привез за столько миль, не отдавал бы на сторону». И вне себя жена сказала: «Благочестия ради дай ему два модия». Филарет сказал: «Благослови тебя господь». И, отмерив два модия, отдал брату. Жена с насмешкой говорит ему: «На твоем месте я добавила бы еще модий». Он отмерил модий и дал нищему. Ниший, не имея мешка для зерна и не зная, как быть, собирался уже скинуть одежду, а был он в одном хитоне. От жены Филарета не скрылось замешательство нищего и желание мужа поскорее снарядить его в путь. И она, как прежде, с насмешкой сказала мужу: «На твоем месте я бы дала нищему мешок». Филарет так и сделал. Тогда жена швырнула на пол сито, в котором веяла зерно, и стала рвать на себе волосы и говорить мужу: «Ради меня отдай ему и второй полный мешок». Он так и сделал. А нищий в затруднении, так как ему было не снести шесть модиев, воскликнул, обращаясь к этому новому Иову: «Господин, пусть все зерно остается здесь, а два модия я понемногу перенесу в свою хижину. Ведь забрать все сразу мне не под силу». Феосево услышала эти слова и со стенанием говорит мужу: «Дай же человеку осла, чтобы ему не надорваться». Филарет благословил свою жену, снарядил осла и, нагрузив его, отдал нищему» (72, 1 сл.).

³ «Русские народные сказки А. Н. Афанасьева. Изд. 4-е Т. 1—5. М., 1913—1914 (далее — Аф.), № 226 а и в.

⁴ S. Thompson. Motiv Index of Folk Literature. Bloomington, 1932—1935, v. 4, J. 2516.1.

Ibid., J 1541.1.
 Ibid., J 2516.3.2.

Сходство фольклорных глупцов с Филаретом проявляется и в другой черте, свойственной этим персонажам: глупцы в фольклоре не понимают того, что им говорят. Дурак русской сказки (Аф., № 226а), не отдавая себе отчета в смысле выражений «канун да свеча» и «носить бы вам не переносить», новобрачных встречает первой формулой, а провожающим покойника желает «носить не переносить». Иванушка-дурачок, которому приказано покрошить в похлебку луку и петрушки, полагает, что подразумеваются хозяйские сыновья Лука с Петром, и едва не убивает их 7. Аналогичны бытовавшие еще недавно шутливые рассказы о глупой кухарке, которая в слове редикюль, которого она не понимает, слышит «редьки куль» и приносит своей барыне мешок с редькой, а вместо салата — солдата, которого, по распоряжению ни о чем не подозревающей хозяйки, она кладет в воду, чтобы он не завял.

На таком недоразумении основана сцена жития, когда Филарет, неправильно поняв слова своей жены, отдает бедняку в придачу к прежде подаренному теленку также корову, хотя Феосево имела в виду, что мужу не следовало дарить теленка и тем самым разлучать его с маткой. Рассказ агиографа об этом начинается с упреков жены. «Неужели не болит у тебя душа за несчастную корову? — спрашивает она. — Как мог ты разлучить ее с теленком?»

Божий человек, продолжает агиограф, встав, обнял и благословил ее, говоря: «Благослови тебя бог за твои справедливые слова. Ведь, истинно, я был бессердечен и жесток, когда разлучил теленка с его маткой, и прогневил этим господа» (71, 12 сл.). После этих слов жены Филарет возвращает уже ушедшего со двора просителя и, к его изумлению, отдает в придачу к теленку корову, мотивируя свой поступок словами: «Брат, как сказала моя жена, я совершил грех, разлучив теленка с его маткой; возьми же ее в придачу и ступай своей дорогой» (71, 25 сл.).

Иванушка-дурачок (это имя употребляется здесь в нарицательном смысле для всей разноликой и разнонациональной братии фольклорных глупцов) пренебрегает, подобно Филарету, естественными законами, что тоже делает его поступки смешными и нелепыми. Два дурня, например, ищут на дубе груши и ссорятся друг с другом из-за добычи: стоящий на земле винит второго, который влез на дерево, в том, что он съел все груши, а тот в свою очередь упрекает помощника в такой же недобросовестности ⁸. В другом случае дурень уверен, что, если снег высушить за печкой, он превратится в соль ⁹. Незнанием естественных законов объясняются случаи вроде того, что дурак продает березе быка и удивлен, когда она не платит денег за свою покупку (Аф., № 225), или уверен, что стол может бегать, как лошадь, на четырех ногах (Аф., № 224).

В приглушенной веристической атмосферой форме это свидетельствующее о глупости неумение считаться с простейшими закономерностями обыденной жизни отражено в сцене беседы Филарета с Феосево, когда праведник, зная, что дом его совершенно разорен и нет ни денег, ни съестных припасов, все же велит жене приготовить для императорских послов роскошный обед, чтобы «не опозориться перед этими вельможами» (75, 4).

Особенно охотно сказки говорят о добродеяниях Иванушки-дурачка и даже наделяют его — совсем как житийных милостивцев Иоанна, Филарета, Серапиона — эпитетом милосердный ¹⁰. Добродеяния эти обычно крайне нелепы — в них проявляется присущая герою глупость. Например, мать посылает Иванушку-дурачка отнести клецки работающим в поле братьям. Заметив собственную тень, он решает, что кто-то голодный

⁷ Е. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864, № 10.

⁸ Г. Бебель. Фацетии. М., 1970, III, 149. ⁹ Там же, III, 89.

¹⁰ *А. Смирнов.* Иванушка-дурачок. — «Вопросы жизни», 1905, № 12, стр. 48.

неотступно следует за ним, и по душевной доброте бросает ему клецки, пока горшок совсем не пустеет; глядя на обгорелые пни, он считает, что перед ним ребята без шапок, и из опасения, как бы они не замерзли («ребята-то без шапок, ведь озябнут, сердечные»), надевает на них горшки и корчаги (Аф., № 224).

В другой сказке (Аф., № 123) содержится полная сюжетная параллель к житию Филарета: герой ее беден, творит добрые дела, получает богатство и царство. Отец, повествует эта сказка, лишает дурака наследства, но тот умудряется поправить свое положение, дав купцу кошку для продажи в чужих краях; купец попадает в страну, где множество крыс, но не водится кошек, и продает свою за три бочонка золота. По возвращении купца дурак становится богачом и начинает щедро оделять нищих. Два бочонка он раздает, а на золото, наполнявшее третий, покупает ладан и воскуряет его богу (здесь как будто чувствуется гротескная нота — сказка оставляет впечатление, что весь купленный ладан воскуряется разом); в награду за это дурак получил мудрую жену и с ее помощью «сделался королем и царствовал долго и милостиво». Нелепо и добродеяние другого Иванушки-дурачка: его приставили сторожить поле под овощами, а он помог вору унести мешки с украденной репой (Аф., № 131).

Таковы же добрые дела Филарета, хотя стремление к жизненному правдоподобию, отличающее обе редакции жития, не позволяет герою совершать таких гротескно-нелепых поступков, как кормление тени клецками или надевание горшков на пни; действия Филарета комичны не из-за их отклонения от логических норм, а вследствие отхода от моральных, следование которым для представляемого им типа — conditio sine qua non. Себялюбивый эгоизм прославленного милосердием праведника сообщает его благодеяниям шутовской характер. В самом деле, во время голода Филарет разделяет между членами своей семьи полученное в подарок зерно, собственную долю раздает нуждающимся, а затем «в час трапезы жена его и дети садились за стол и старец подходил к ним, с улыбкой говоря: «Принимайте, дети, гостя!» Им приходилось приглашать его, и он ел вместе с ними. Дети говорили: «Когда же ты возьмещь из тайника деньги (Филарет обманывал своих близких, уверяя их, что не роздал, а продал весь свой скот, а деньги спрятал на черный день. — $C.\ \Pi.)$ и купишь себе съестного, и будешь сыт. Ведь ты отбираешь хлеб, который дал нам» (73, 25).

Аналогично и другое доброденние Филарета: когда в его хозяйстве уже ничего не остается, праведник отдает нищему единственный верхний хитон, сказав жене, будто потерял его, и тут же в возмещение «пропажи» принимает от Феосово хитон, перешитый из ее одежды.

Действия Филарета в обоих рассмотренных эпизодах прямо противоположны агиографической норме: праведник, во-первых, не совершает добрых дел в ущерб себе, и реванш, который он тут же берет, сообщает им комический, нелепый характер ¹¹, во-вторых, ложь его своекорыстна (страх перед гневом жены), т. е. и в малой степени не похожа на привычный в житийной литературе благочестивый обман, направленный на сокрытие своей добродетели или иную какую-нибудь высокую цель.

Установив типологическую близость образов Филарета и фольклорного глупца, обратимся к схеме их биографии. Как уже говорилось, дурак в фольклоре неизменно оказывается счастливее, сильнее и удачливее своих антагонистов, будь то старшие братья или соперничающие с ним претен-

¹¹ Раздав свою долю хлеба, Филарет не склонен голодать и переходит, несмотря на протесты жены и детей, на их иждивение, а лишившись хитона, и тут избегает неприятных последствий чересчур широкой в его положении благотворительности: жена перешивает ему свою одежду. Может быть, последний штрих, показывающий святого наряженным в переделанное из женского платье, возник не без влияния фольклорного комизма.

денты на руку царской дочери, и бедный крестьянский сын ¹² (бедность усугубляется еще тем, что Иванушка часто лишен своей доли наследства) добивается брака с царевной и получает несметные богатства ¹³.

Один из многочисленных в сказках Иванов-дураков, несмотря на свою глупость, торгует в чужих землях выгоднее умных братьев, похищает у заморского царя дочь и женится на ней, вопреки их уловкам и хитростям (Аф., № 135). Другой Иванушка остается без наследства, но счастливый случай позволяет ему разбогатеть и жениться на царевне, победив всех противников и недругов (Аф., № 118 в). Точно так же глупец получает руку царской дочери в сказках, где должен разрешить трудные задачи — построить летучий корабль (Аф., № 83), загадать неразрешимую загадку (Аф., № 132), добыть изображение царевны (Аф., № 105а), а Емеля-дурак влюбляет в себя царевну и после множества опасных приключений женится на ней (Аф., № 100а и в).

Иногда, впрочем, встречается синкопированный финал: выпадает брак с царевной и остается только рассказ о том, как дурак разбогател и зажил припеваючи. Образцом может послужить сказка (Аф., № 222), где старшие братья после смерти матери оставляют младшего, дурака, без его доли наследства. Тогда дурак завладевает трупом матери и ловко извлекает из этого прибыль: он подбрасывает тело то в один, то в другой дом, и люди, чтобы избежать подозрения в убийстве, вынуждены откупаться от дурака. Братьям же дурак говорит, что за хорошую цену продал труп на рынке. В свою очередь стремясь нажиться, они убивают собственных жен и выносят их тела на продажу, но убийц схватывают блюстители закона, и дурак остается хозяином всего их добра.

По этому же сюжетному шаблону построено житие Филарета. Если его герой был вымышленным персонажем и реально не существовал, перед нами монолитный по своему составу и замаскированный под события реальной истории рассказ (чтобы не сказать — сказка) о бедном и глупом герое, совершающем одну нелепость за другой, однако оказывающемся в конце концов обладателем больших богатств и свойственником императора. Отличие этого рассказа от фольклорных параллелей — только в деталях: вместо старших братьев или претендентов на руку царевны антагонистом героя выступает его жена, изображенная как злая жена из сказочного фольклора (ср. Аф., № 109, 236, 237); вместо обычной концовки, когда дурак становится царем и супругом царской дочери, или ее синкопированного варианта, обходящегося без брака, в житии герой не сам получает власть и царевну, а роднится с царским домом через свою внуку Марию, которую берет в жены император. И, наконец, повествование препарируется в назидательно-христианском вкусе, поэтому глупость главного действующего лица проявляется только в форме доведенного до крайнего предела (по современным понятиям — до гротеска) милосердия.

Если видеть в Филарете отца Марии из Амнии, впоследствии супруги Константина VI (источники не упоминают тестя императора), и верить, что его судьба действительно сложилась так, как описано в житии, рассказ о реально прожитой жизни, случайно отлившейся в схему, совпадающую с фольклорным сюжетом о счастливом глупце ¹⁴, в силу этого совпадения

¹² В отдельных, особняком стоящих вариантах Иванушка — купеческий и даже царский сын. См. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 17. В последнем случае его положение в семье не позволяет ему рассчитывать на царскую корону, и он становится царем столь же для всех неожиданно, как его перевенские тезки.

столь же для всех неожиданно, как его деревенские тезки.

13 А. Смирнов (указ. соч., стр. 12) отмечает, что в некоторых сказках дурак возвращается обратно в свою деревню, так как не хочет жить при дворе, хотя и получил на это право. О социальных корнях и общественных идеалах сказок о счастливом дураке см. монографию: Е. Мелетинский. Герои волшебной сказки. М., 1958.

¹⁴ При веристическом характере фиктивного сюжета подобные случаи бывали, и даже не так редко, как показывает совпадение сведений о жизни человека, встречающихся в эпиграфике, с рядом трафаретных литературных или фольклорных схем.

ретушировался в угоду трафарету подобных рассказов (подчеркивались, преувеличивались или вводились требуемые им черты) тем более легко, что типизация образов реально существовавших людей в духе той или иной дезидераты составляла отличительную особенность средневекового сознания и заявляла о себе во всех жанрах византийской литературы.

Агиографические сказания о других милостивнах не обнаруживают сюжетного шаблона, согласно которому герой, бедный и глупый вначале, становится затем богачом и мужем царевны, но отдельные эпизоды сближают их с комическим фольклором. Его воздействием объясняются, возможно, такие веши, как буквализм действий Серапиона милостивого. который под впечатлением евангельского слова «если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим» (Матф., 19, 21). отлает сначала свой единственный плаш. затем стихарь и в результате остается на улице совершенно нагим ¹⁵, или неспособность догически мыслить знаменитого александрийского архиепископа Иоанна Милостивого. несомненно приписанная ему по закону притяжения биографиями такого рода мотивов шутливого фольклора; святой ведь, как сообщает житие. приходит в отчаяние, потому что в день, когда он по обыкновению лично вершил суп и выслушивал всех, имеющих на кого-либо жалобы, никто не явился, хотя из этого можно было спелать вывол только о нравственном пропветании паствы 16.

Не следует думать, что списыватели нашего жития, подобно писателям нового времени, вводили в свой сюжет фольклор. Фольклорные элементы проникали в жития помимо сознания их авторов, не догадывавшихся, что они повторяют готовые трафареты, как не подозревали о мифологических или фольклорных основах своих произведений многие поколения античных и средневековых писателей. Однако, как можно заключить из того, что эти черты не были устранены, и агиографы и читатели не усматривали в их присутствии нарушения высокой дидактической героики, свойственной житиям по самой стоящей перед ними задаче. Особняком в этом смысле стояли только очень немногочисленные легенды о юродивых, в которых дурацкие проделки и шутовские выходки святого были заданы самой тематикой и составляли основу сюжета, так как агиограф прославлял глупость Христа ради, составлявшую в Византии особую форму аскезы. Потому чем антигероичнее и, если угодно, смешнее оказывался такой герой, тем более это содействовало его прославлению.

Эстетическая практика, позволявшая, как в житии Филарета, сочетать героическое с почти гротескным, основана на ином, сравнительно с современным, понимании художественной правды, а тем самым и границ высокого и комического. Для византийца художественная правда означала преувеличение той стороны изображаемого, на которой он стремился поставить акценты, что не могло не притуплять ощущение гротескного, как об этом можно составить себе впечатление по нескольким наудачу взятым примерам.

Чтобы показать из ряда вон выходящую нестяжательность Серапиона синдонита, агиограф передает историю, которая вследствие преувеличения этой отличающей праведника добродетели делала из него, если воспользоваться анахронистическим сопоставлением, героя плутовского романа, в глазах же византийского человека только убедительнее представляла его добродетель: Серапион садится на корабль, но у него нет ни денег,

¹⁶ Ibid., S. 11—13.

¹⁵ H. Gelzer. Leontios' v. Neapolis Leben des Heiligen Johannes d. Barmherzigen. — «Sammlung ausgewählter kirchen- und dogmengeschichtlicher Quellenschriften v. G. Krüger, 5. H. Freiburg u. Leipzig, 1893, S. 48. Даже если автор гномы понимал ее максималистски, в смысле необходимости ради блага ближнего раздать все свое имущество и остаться нагим, едва ли в обстановке VII в., когда было написано житие, такое тол-кование могло иметь хождение.

ни съестных припасов. Когда это, к великой досаде корабельщиков, обнаруживается, святой предлагает отвезти его назад. Но морякам невыгодно возвращаться, и Серапион, пользуясь этим, бесплатно добирается куда ему надо, и вдобавок в течение всего пути кормится за их счет ¹⁷. В другом случае крайняя степень добродетели, присущая герою, приводит уже к подлинно комической ситуации: святой Мирон услужливо взваливает на спину ворам, забравшимся к нему на гумно, тяжелые мешки с собственным житом ¹⁸, поступая совсем как Иванушка-дурачок из рассмотренной выше сказки, который помогал вору нести мешки с репой. Другой праведник бросается вдогонку за ограбившими его дом разбойниками, чтобы вручить им мешочек с деньгами, которого они в спешке не заметили ¹⁹.

С другой стороны, иллюзию жизненного правдоподобия в глазах читающих не нарушали черты персонажа, не вяжущиеся и даже вступающие в резкое противоречие с его внутренней сущностью, вроде себялюбия Филарета — так как внимание, направленное на характерологические кон-

туры, не воспринимало психологических несообразностей.

Эта способность средневекового художественного сознания не замечать в стремлении к своеобразно понимаемой художественной правде близких к гротеску преувеличений и его равнодушие к психологической достоверности помогли чертам фольклорного сюжета о дураке-счастливце удержаться в благочестивой новеллистике.

возьмиця, што угодно у мяне!» (см. «Белорусский сборник», вып. IV. Витебск, 1891, № 23, стр. 28).

¹⁷ The Lausaic History of Palladius, ed. D. C. Butler. Cambridge, 1898. Texts and Studies. Contributions to Biblical and Patristic Literature, ed. by Robinson, VI, 1—2, 1904, № 37.

18 AASS, Augusti II, col. 345.

¹⁹ *Ioannes Moschus*. Pratum spirituale, № 212. — PG, t. 87, pars 3, col. 3104. Этот гротескный мотив помощи жертвы вору или разбойнику прочно сохраняется в фольклоре. Еще в конце прошлого века была записана белорусская легенда о Пилипе Милосэрном, который, лежа в трактире за печкой, слышит, как разбойники сговариваются ограбить его дом, и говорит им: «Братцы! Наця вам ключи, ня порциця замков да